

А. Я. КАКОВКИН

УНИКАЛЬНАЯ КОПТСКАЯ ТКАНЬ С ЭПИЗОДОМ ИСТОРИИ ДАВИДА

Более десятка музеев мира хранят различной сохранности коптские ткани VII—VIII вв., украшенные эпизодами истории царя-пророка Давида. Судя по памятникам коптского ткачества, среди ветхозаветных героев Давид по популярности уступал только патриарху Иосифу¹.

В литературе по коптским тканям были зафиксированы изображения трех эпизодов жизни Давида: Давид с посланником от своего отца Иессея², Давид в поединке со львом³, представление Самуилом Давида царю Саулу⁴.

Полагаем, что теперь есть основания добавить к перечисленным эпизодам еще один, четвертый. Речь пойдет о привезенном в 1889 г. из Египта хранителем Эрмитажа В. Г. Боком тканом памятнике. Он представляет собою нашивку на нижнюю часть рукава льняной туники прямоугольную вставку, узор которой выткан шерстяными цветными нитями⁵. Сохран-

¹ Литературу по теме об Иосифе в коптском ткачестве см.: *Каковкин А. Я.* Изображения на коптских тканях: украшения или символы? // Восточное Средиземноморье и Кавказ IV—XVI вв.: Сб. ст. Л., 1988. С. 60, сн. 36. К ней можно добавить: *Weitberger C.* Ein koptischer «Josephstoff» im Gustav-Lübcke-Museum zu Hamm // *Göttingen Miszellen.* 1986. Bd. 94. S. 75—80.

² Укажем несколько характерных примеров: Трир, Городской музей (инв. № VII.72); Балтимор, Галерея искусств Уолтерса (инв. № 83.727); Берлин, Государственные музеи (инв. № 6965) (*Nauerth C.* David Lyricus // *Festgabe für L. Steiger.* Bb 5: der Dielheimer Blätter zum Alten Testament und seiner Rezeption in der Alten Kirchen. Heidelberg, 1985. S. 275—285, Abb. 1—3); Ленинград, Эрмитаж (инв. № 13122, а, б) (*Каковкин А. Я.* Две коптские ткани с изображением Давида из собрания Эрмитажа // *ВВ.* 1983. Т. 44. С. 182—185, рис. 1, 5).

³ Типичные примеры: Лондон, музей Виктории и Альберта (инв. № 417—1887) (*Kendrick A. F.* Catalogue of Textiles from Burding-grounds in Egypt. L., 1922. Vol. III. P. 14, N 631, pl. VIII); Ленинград, Эрмитаж (инв. № 11641а, б; 11179).

⁴ Несколько примеров: Лондон, музей Виктории и Альберта (инв. № 417—1887, 743—1886) (*Kendrick A. F.* Op. cit. P. 14, N 631, 632, pl. VIII, IX); Балтимор, Галерея искусств Уолтерса (инв. № 83.728) (*The Walter Art Gallery // Annual Report.* 1977. Vol. 45. P. 39); Ленинград, Эрмитаж (инв. № 9031, 11641). См. также: Вторая государственная выставка акционерного общества «Канецумуги» «Мир коптских тканей». Токио, 1979 (на яп. яз.). Табл. 60.

⁵ Ленинград Эрмитаж, инв. № 12563. Размеры: рукав — 33×26, вставка — 23,2×21,5. Кручение нитей: основы — Z-образное, утка — S-образное. Плотность тканей: полотно — 10×12, вставки — 14×34. Узор многоцветный: розовый, темно- и светло-коричневый, зеленый, сине-зеленый, желтый, белый, черный. Сохранность плохая: узкие края частично обрезаны, частично оборваны, приблизительно четверть ткани утрачена, большая часть утка пропала, вероятно изменились цвета; в правом нижнем углу — матерчатая круглая пуговица. При реставрации полотно и вставку сдублировали на разные основы, укрепив вставку на прежнем месте. Памятник фигури-

ность вставки, к сожалению, очень плохая (рис. 1). И все же общее представление о вытканном на ней изображении получить можно. Большую часть вставки занимает медальон (наиб. диам. 16,8 см) с фигурными изображениями. Темно-коричневые полосы сверху и снизу оживляются стилизованными растительными побегам желтого цвета. Растительные орнаменты заполняют и углы прямоугольника. Бордюр медальона состоит из двухрядной полосы: наружная, узкая, образована чередующимися разноцветными прямоугольниками, внутренняя, широкая, состоит из стилизованных вьющихся зеленых побегов. Фон вставки розовый. О фигурных изображениях в медальоне можно судить только по остаткам, частично сохранившимся справа, в верхней и нижней частях. Здесь была представлена сцена, в которой, по-видимому, действовали четыре персонажа.

Слева изображена в фас довольно крупная фигура человека, голова которого обрамлена нимбом и украшена диадемой. Человек представлен сидящим: за его головой видна спинка трона, а внизу широкое подножие. По сторонам от трона просматриваются две головы, вероятно, стоящих фигур размерами меньше сидящей. Лучше из них сохранился правый персонаж: видно, что он в шлеме, завершающимся шишечкой.

В правой части медальона различима человеческая фигура в рост, с нимбом. Судя по сохранившимся нитям основы и скудным остаткам льняных нитей, образующих контуры фигуры, она представляет мужчину, на нем доходящая до колен туника и сапожки. Поза этого персонажа указывает, что он направляется вправо. В левой руке он держит предмет, похожий на сумку или мешок. Правая рука его согнута перед грудью, похоже, что в ней он держит предмет, напоминающий палку или жезл.

В верхней части медальона вытканы продольные, чуть изогнутые полосы желтого, сине-зеленого и белого цветов.

Скорее всего, перед нами сцена, в которой действуют два главных героя (они отмечены нимбами): справа — мужчина уходит, слева — сидит, по сторонам от него два молодых человека. Диадема на голове сидящего мужчины, украшенная разноцветными точками, имитирующими драгоценные камни, роскошный трон и двое мужчин рядом с ним, которых вполне можно принять за телохранителей, указывают на высокое общественное положение сидящего человека.

В позднеантичном и раннехристианском искусстве по такой иконографической схеме мастера изображали лиц высокого ранга — царей, вельмож, полководцев и др.⁶

Невольно приходит в голову несколько эпизодов из библейской истории, воспроизводившихся в памятниках изобразительного искусства по такой же схеме. Это могли быть: сцена обнаружения чаши в мешке Вениамина, Навуходоносор беседует с Даниилом, Давид, отправляющийся на поединок с Голиафом, и др. По ряду соображений мы склоняемся к принятию последней сцены. История ее изложена в I Кн. царств (XVII. 31, 32, 37, 40).

ровал на временной выставке коптских тканей и скульптуры в 1978—1979 гг. в Эрмитаже. См.: *Каковкин А. Я.* Коптские ткани из фондов Эрмитажа: Каталог выставки. Л., 1979. С. 31, 32, № 46.

⁶ См.: *Dalton O. M.* Catalogue of Early Christian Antiquities and Objects from the Christian East. L., 1901. P. 54—55, N 297, pl. IV a; *Badawy A.* Coptic Art and Archaeology: the Art of the Christian Egyptians from the Late Antiquity to the Middle Ages. Cambridge (Mass.), L., 1978. P. 248. Fig. 4, 20.

Вытканная на ткани сцена, при всей фрагментарности, по нашему мнению, передает эпизод, когда юный Давид из дворца Саула отправляется на поединок с великаном-филистимлянином Голиафом. Среди коптских памятников находим иконографические аналогии эрмитажной ткани.

На хранящемся в Коптском музее в Каире известняковом рельефе конца VI в. (инв. № 37797), происходящем из монастыря св. Аполлона в Бауите, имеется сокращенный вариант этого сюжета⁷. Давид энергично движется вправо, выступая против Голиафа. В левой руке у него посох и сумка с камнями, в правой руке он держит пращу, готовый метнуть фатальный снаряд в гиганта.

В третьей часовне Бауита, стены которой украшают 12 сцен, представляющих разные эпизоды истории Давида⁸, есть композиция (рис. 2), очень близкая к тканой: слева на троне восседает Саул, по сторонам его стоят два молодых воина-телохранителя, справа — юноша Давид, обернувшись к царю, уходит. Художник в этой сцене допустил неточность, изобразив Давида со щитом и мечом, в воинском одеянии⁹. По А. Бадави¹⁰, сцена представляет «выбор Самуилом Давида» («Samuel choosing David»). Это неверно. Сцена несомненно воспроизводит эпизод, когда царь, уверовав в силы юного пастуха, дал ему свои доспехи, которые оказались Давиду впору. Но Давид отказался от них, решив, что пращи и пяти камней довольно, чтобы одолеть Голиафа, ибо бог с ним, с Давидом.

Скульптурный рельеф и особенно роспись позволяют предположительно реконструировать изображение на эрмитажной ткани, определив не только общее положение фигур, но и их жесты и атрибуты (рис. 3). Изогнутые полосы в верхней части медальона, по-видимому, указывают на то, что действие происходит внутри помещения, в покоях царского дворца (ср. кессонированный потолок в росписи). Надо принять во внимание, что за очень длительное время существования в ткани произошли некоторые естественные изменения: усохнув, усели нити, изменив тем самым пропорции изображений, и все же композиция читается довольно четко.

Подобные изображения на коптских тканях нам не попадались, поэтому если высказанные здесь догадки верны, то можно констатировать, что перед нами уникальный образец, пополняющий встречающиеся в коптском ткачестве эпизоды истории Давида еще одним памятником.

Сообразуясь с датировками памятников-аналогов тканюму образцу (VI в.) и с художественно-техническими особенностями последнего (использование в качестве основы двух тонких, не ссученных между собой нитей, большая плотность и тонкость полотна, отсутствие красочной насыщенности и аппликативного противопоставления цветов, стремление мастеров сохранить строгий, довольно точный в пропорциональных соотношениях рисунок и т. д.), вероятно, мы вправе отнести его к концу VI—VII в. К сожалению, о месте изготовления эрмитажной ткани можно только предполагать, возможно это был Ахмим.

Заинтересовавший нас обшлаг рукава — деталь туники; сама туника наверняка была украшена на груди и по подолу. Вполне вероятно, что это

⁷ *Torp H. Two Sixth-century Coptic Stone Reliefs with Old Testament Scenes // Institutum Romanum Norvegiae: Acta ad archaeologiam et artium historiam pertinentia. 1965. Vol. II. P. 112, 117—118, pl. I b, V.*

⁸ *Badawy A. Op. cit. P. 256.*

⁹ Стенопись Бауита датируют разным временем (от IV до VII в.). Мы присоединяемся к Х. Торпу, считающему росписи Давидовского цикла выполненными в VI в. (*Torp H. Op. cit. P. 118*).

¹⁰ *Badawy A. Op. cit. P. 256. Fig. 4.30.*

были сцены из истории Давида (как, например, эрмитажная туника VIII в., инв. № 11641) ¹¹.

В литературе было высказано предположение, что образцами для создававших эпизоды истории Давида ткачей могли служить не дошедшие до нас александрийские миниатюры и сохранившиеся константинопольские памятники торевтики с аналогичными изображениями ¹². Нельзя не учитывать и заметного вклада, вносимого в развитие коптского ткачества иудейской диаспорой. Именно с ее глубокой литературной и философской традициями связывал появление в коптском искусстве отдельных эпизодов истории Давида и сложение из них целых циклов Х. Торп ¹³.

В заключение остановимся на вопросе осмысления подобных изображений. Нам кажется, что (помимо своей декоративной роли) они заключали глубокую символику. Библейские герои, в том числе и Давид, несомненно служили верующим наглядным морально-дидактическим примером. Но значение таких героев, как Давид, не ограничивалось только этим. Издавна христианская традиция связывала с царем-пророком мессианские чаяния. По толкованиям богословов, Давид являлся прообразом Иисуса Христа. Многие эпизоды жизни библейского героя истолковывались как спасительные деяния Иисуса (например, поединок Давида с Голиафом рассматривался как противоборство Христа с антихристом), а история его царствования предвосхищала будущее царство Христово. Образ Давида имел в церковной традиции и эсхатологические черты бессмертного царя-спасителя ¹⁴. Последний момент особенно для нас важен, поскольку значительная часть изображений на коптских тканях (в большинстве своем служивших погребальным целям — одеяния, саваны) связывалась с верой в бесконечную жизнь, с надеждой на спасение ¹⁵.

¹¹ Быстрикова М. Г. К вопросу об иконографических темах на коптских художественных тканях // СГЭ. 1965. Вып. 26. С. 28—31.

¹² Каковкин А. Я. Две коптские ткани. . . С. 185.

¹³ Торп Н. Op. cit. P. 118—119.

¹⁴ Мифы народов мира. М., 1987. Т. I. С. 343—345. Amsler S. David, Rois et Messie: La tradition davidique dans l'Ancien Testament. Neuchâtel, 1963.

¹⁵ Каковкин А. Я. Изображения на коптских тканях. . . С. 37—66.